

© 1994 г. А.А. КИБРИК

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДИСКУРСУ*

Данная статья носит в основном обзорный характер. Мы рассматриваем здесь ряд направлений американской лингвистики, для которых объектом исследования является дискурс, а методом – когнитивный подход.

1. ЧТО ТАКОЕ КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИКЕ

Лингвистика имеет давнюю традицию автономизации. Автономная лингвистика основывается на идее, что языковая система может быть описана и объяснена в пределах себя самой, без апелляции к другим феноменам (таким, как психика, мышление, мозг, анатомия и физиология человека, общество, этничность и т.д.). Примерами автономных теорий языка могут служить модель "Смысл $\langle \Rightarrow \rangle$ Текст" и порождающая грамматика (автономность и, более того, произвольность последней представляется несомненной, несмотря на значительное внимание к вопросам связи языка и мышления). Сторонники этих теорий обычно характеризуют любое объяснение языковых фактов, опирающееся на внешние по отношению к языку феномены, как "не лингвистику".

В статье рассматриваются образцы иного направления в современной лингвистической мысли, стремящегося объяснить факты языковой формы к о г н и т и в н ы м и ф у н к ц и я м и.

Понятия "когнитивный подход", "когнитивная лингвистика" в настоящее время понимаются очень по-разному, и, поэтому нам необходимо определить их специально и в рамках данной статьи.

Когнитивный подход к языку – убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания. Когнитивная лингвистика – это отнюдь не то же самое, что психолингвистика, ибо последняя – по крайней мере в современном понимании – чрезвычайно техническая, сугубо экспериментальная дисциплина, в принципе совместимая с любым теоретическим подходом к языку. К числу важнейших когнитивных феноменов, детерминирующих языковую форму, относятся структуры представления знаний, естественная категоризация, долговременная память, оперативная память, внимание, активация.

Когнитивная лингвистика в нынешнем контексте – ветвь лингвистического функционализма, считающего, что языковая форма производна от функций языка. Однако разные направления функционализма сосредотачиваются на разных типах функций – например, семантических ролях, связности текста, коммуникативных установках и т.д. Когнитивное направление функционализма особо выделяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним.

Между когнитивными феноменами, перечисленными выше, пролегает фундаментальное различие с точки зрения того, какова их роль по отношению к языку. Одни из них ответственны за использование языка в р е а л ь н о м в р е м е н и, что называется о n - l i n e ("on-line" – термин из компьютерной науки, обычно пере-

* Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта "Язык и знания Когнитивные исследования" (руководитель акад. Ю.С. Степанов), финансируемого Институтом языкознания РАН и Российским фондом фундаментальных исследований.

водимый на русский язык как *в интерактивном/диалоговом режиме*). К когнитивным феноменам типа *on-line* относятся, в частности, оперативная память, внимание, активация.

Феномены другого типа не имеют прямого отношения к функционированию языка в реальном времени, а связаны с языком как средством хранения и упорядочения информации – это феномены типа *off-line* (этот термин обычно переводят *в автономном режиме*). К феноменам второго типа относятся долговременная память, система категорий и категоризация, структуры представления знаний, лексикон и т.д.

В настоящее время сложилась такая ситуация, когда понятия "когнитивная лингвистика", "когнитивный подход" ассоциируются в основном с работой в области исследования категорий, лексической семантики, метафоры и т.д., то есть явлений типа *off-line*. Фактически подавляющее большинство исследований, появляющихся под рубрикой "когнитивная лингвистика", объединены не только общим постулатом когнитивного подхода, сформулированного выше, но и следованием одной из двух наиболее известных школ, связанных с именами Дж. Лакоффа и Р. Лангакера. В этом можно убедиться, открыв программный сборник [1] или любой номер журнала «Cognitive Linguistics».

Теория Дж. Лакоффа отражена в [2] (см. переводы фрагментов этой книги: [3, 4]), [5]. Одна из наиболее фундаментальных идей Лакоффа состоит в том, что человеческая концептуализация (а следовательно, языковая семантика) носит *главным образом метафорический* характер, то есть осмысление более или менее сложных объектов и явлений человеком основывается на переосмыслении базисных понятий человеческого опыта (физических, сенсо-моторных, анатомических и т.д.). Теория концептуализации Лакоффа – выдающееся явление современной лингвистики, но когнитивная проблематика тем не менее не должна сводиться к тем явлениям, которые находятся в центре внимания этой теории. Сказанное в значительной степени относится и к теории Р. Лангакера, которая также весьма влиятельна, хотя намного более сложна для понимания, см. [6].

Между тем, в неменьшей степени когнитивный подход применим и продуктивен в области явлений типа *on-line*, то есть процессов построения и понимания *дискурса*. Исключение исследований по дискурсу из области под названием "когнитивная лингвистика" совершенно неприемлемо. Ниже мы рассмотрим несколько наиболее значительных, на наш взгляд, достижений в сфере когнитивного подхода к дискурсу.

2. ДИСКУРС КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

В последние десятилетия направление, известное под названием *discourse analysis* (дискурсивный анализ) оформилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину, равноправную, например, синтаксису, фонологии и т.п. Литература по дискурсивному анализу огромна, и здесь не делается попытки всю ее обозреть (ср. четырехтомное издание "A handbook in discourse analysis" [7], ряд специальных журналов – *Text*, *Discourse processes* и др.). Дискурс – это такой же объект лингвистического исследования, как и морфема (для морфологии), словосочетание (для синтаксиса) и т.п. Более того, дискурс является даже более важным, центральным объектом лингвистики, так как он заведомо не является теоретическим конструктом, и есть точка зрения, что лингвистика могла бы избавиться от многих своих заблуждений, если бы начала как бы "с нуля", исследуя реально зафиксированные образцы дискурса.

Как и в лингвистике в целом, когнитивный подход в дискурсивном анализе далеко не общепринят. Очень многие работы по дискурсу исходят из чисто таксономического подхода, когда элементы текста регистрируются, классифицируются и подвергаются статистической обработке без попыток *объяснения* того, почему дискурс (и данный, и вообще) строится так, а не иначе. Между тем, если ориентироваться на функциональный подход, то есть стремиться объяснять наблюдаемые явления, то при изучении дискурса (в отличие от составляющих меньшего размера) в принципе невозможно остаться в рамках чисто внутриязыковых координат. Исходя лишь из

собственно языковых мотиваций, невозможно объяснить, почему в языке X, например, в одной предикации текста не бывает двух одинаковых местоимений 3 лица, а порядок слов различен в начале и в середине абзаца. Неизбежен выход в "экстралингвистические" сферы и поиск когнитивных, культурных и социальных объяснений. Два последние типа объяснений в конечном счете сводимы к первому, так как культурные и социальные факторы не могут влиять на дискурс иначе чем через посредство когнитивной системы говорящего. Поэтому, а также по всем вышеупомянутым причинам, когнитивный подход к исследованию дискурса представляет собой чрезвычайно важную и актуальную проблему современной лингвистики.

3. ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИСКУРСА

В отличие от вышеупомянутых направлений когнитивной лингвистики типа off-line, когнитивные исследования в области дискурса на настоящий момент немногочисленны и являются скорее плодом индивидуальных усилий отдельных ученых. Поэтому дальнейшее изложение строится вокруг имен авторов, которых мы считаем наиболее значительными представителями данного направления.

3.1. Чейф.

Наиболее известный в нашей стране американский лингвист, работающий в данном направлении – Уоллес Чейф. Чейф вообще является одним из первых лингвистов нашего времени, кто начал думать о языке с позиций его когнитивной мотивировки [8–10].

Важным рубежом в развитии подхода Чейфа является коллективная монография "Рассказы о грушах. Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования" [11]. Эта работа – пример включения элементов эксперимента в методологию теоретической лингвистики. Авторы демонстрировали испытуемым специально снятый небольшой фильм (о мальчике, собирающем груши), а затем записывали и транскрибировали их пересказы этого фильма. Этот эксперимент варьировался с испытуемыми разных возрастов, с носителями разных языков, и с различными временными интервалами между просмотром фильма и записью пересказа. Анализ всего многообразия полученных материалов позволил сделать множество выводов о процессах вербализации визуального опыта: о динамике сознания говорящего во времени, о языковых коррелятах движущихся "фокусов сознания", о культурных различиях между носителями разных языков в отношении выбора релевантной информации и построении дискурса, о когнитивных мотивациях синтаксических выборов – таких, как употребление местоимений, именных групп, выбор подлежащего.

Обсудить компоненты модели Чейфа лучше всего можно на примере его новой книги "Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме" [12], подводящей итог 20-летней работы. Следует сразу отметить, что книга Чейфа изобилует фактическим материалом – транскрипциями фрагментов реально зафиксированных дискурсов, часто весьма пространных. К сожалению, воспроизвести здесь эти объемные эмпирические данные в сколько-нибудь значительных масштабах нет никакой возможности.

3.1.1. Методологические принципы. Центральное отличие метода Чейфа в контексте современной лингвистики касается отбора эмпирического материала. Чейф в целом отвергает использование искусственного языкового материала, специально конструируемого большинством лингвистов для иллюстрации своих утверждений. Чейф концентрирует внимание на естественном языковом материале, в первую очередь доступном в виде магнитофонных записей реального дискурса. Наблюдение за естественным устным дискурсом – практически неограниченный источник лингвистической информации, и не встречающиеся в реальности языковые данные

(типа предложений *Сократ смертен* или *Фермер убивает утенка*) попросту не нужны, бесполезны, если нас интересует язык как он есть на самом деле. С этим тезисом трудно согласиться в его радикальной формулировке, так как несомненно манипуляции с языковыми формами часто помогают лингвисту понять систему противопоставлений, в которую данные формы входят. Однако пафос тезиса о приоритете естественных данных чрезвычайно актуален в наше время, когда целые научные направления строятся вокруг противоестественных, изолированных, внеконтекстных языковых примеров.

Чейф также достаточно скептически относится к лингвистическому эксперименту (несмотря на элементы экспериментирования в "Рассказах о грушах") – то есть виду деятельности, основному для такой огромной области, как психолингвистика. Действительно, с точки зрения функционального лингвиста очень многие психолингвистические эксперименты не проливают никакого света на существенные аспекты языка, поскольку основаны на вырожденном использовании вербальных способностей говорящих – например, при измерении времени реакции испытуемых на изолированные слова, по очереди появляющиеся на экране компьютера. Однако вполне возможны и лингвистически осмысленные эксперименты – см., в частности, раздел 3.2 ниже.

Второй методологический постулат Чейфа, также еретический с точки зрения все еще действующей научной парадигмы (особенно психологической), в свое время сформированной бихевиоризмом, – это признание и н т р о с п е к ц и и как основного источника суждений о когнитивных и языковых явлениях. При этом язык выступает в качестве инструмента верификации полученных интроспекцией умозаключений.

В качестве материала Чейф использует в первую очередь у с т н ы й дискурс. Нельзя не согласиться с тем, что колоссальная гипертрофия письменного языка в качестве лингвистического материала, характерная для большинства прошлых и современных научных направлений, не оправдана ничем, кроме легкодоступности этого материала и инерции лингвистов. Несомненно, устный язык является более фундаментальным видом языка, нежели письменный, и любая интегральная модель языка должна как минимум принимать его во внимание. Вместе с тем, любая попытка объективной письменной фиксации (транскрибирования) устного языка вынуждает решать множество сложных интерпретационных и технических проблем, неведомых лингвистам, изучающим исключительно письменные тексты. В настоящее время принципы транскрибирования устного дискурса являются предметом едва ли не целого научного направления (см., например, [13]).

3.1.2. Основные понятия. Центральный феномен, контролирующий использование языка – это, по Чейфу, с о з н а н и е (consciousness). Другие исследователи для обозначения того же самого феномена используют такие более технические термины, как оперативная или активная память, центральный процессор, буфер и т.д. Сознание, согласно Чейфу, по своей природе фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается.

Устный дискурс порождается не как плавный поток, а толчками, квантами. Эти кванты, чаще всего соизмеримые с размером одной предикации (clause), именуются и н т о н а ц и о н н ы м и е д и н и ц а м и (ИЕ; intonation unit). Каждая ИЕ отражает текущий фокус сознания, а паузы или другие просодические границы между ИЕ соответствуют переходам сознания говорящего от одного фокуса к другому. Средняя длина ИЕ – 4 слова (для английского языка).

Прототипическая ИЕ, совпадающая с предикацией, вербализует таким образом событие или состояние. События, состояния и их участники, то есть референты, Чейф именует родовым термином и д е и (напоминающим традиционное понятие знаменательных частей речи).

Наряду с прототипическими ИЕ, достаточно часты и маргинальные виды ИЕ – незавершенные, ошибочные начала, наложения речи двух или более собеседников и т.д. В транскрипциях Чейфа фиксируются все самые мелкие факты такого рода, как и существенные просодические особенности речи. Следующий фрагмент разговора мо-

жет дать представление о характере и степени детализации транскрипции Чейфа (большие буквы в скобках – обозначения собеседников; ".." – короткая пауза; "... (0.4)" – нормальная пауза с указанием ее длительности в секундах; в конце каждой ИЕ цифры в скобках указывают длительность ИЕ без учета начальной паузы, а затем с учетом; Ch. 5, ex. 4):

- (1) (A)...(0.4) Have the ..animals, (0.8) = (1.2)
 (A)...(0.1) ever attacked anyone in a car? (1.6) = (1.7)
 (B)...(1.2) Well I – – (0.2) = (1.4)
 (B) well I heard of an elephant, (1.0)
 (B) that sat down on a VW one time. (1.8)
 (B)...(0.9) There's a gir – – (0.6) = (1.5)
 (B)..Did you ever hear that? (0.8)

Свободный перевод: А: "Эти животные когда-нибудь нападают на людей в машине?" В: "Ну я слышал о слоне, который однажды сел на Фольксваген. Там была дев – Ты когда-нибудь слышал об этом?"

3.1.3. Основные феномены, которые исследует Чейф, известны еще по работе [14] о данном, определенности, подлежащем и др. В книге [12] подход остался в целом тем же, но описание этих явлений значительно более продвинутое и изощренное.

А к т и в а ц и я – это способность говорящего фокусировать свое сознание лишь на ограниченном фрагменте мира в каждый данный момент. Чейф придерживается тройной классификации состояний активации: активная информация, полуактивная (*semiactive*) и неактивная. Полуактивной является информация, которая недавно вышла из активного состояния, или каким-то образом связана с информацией, активной в данный момент.

На базе этих понятий определяется тройка "данное" – доступное – новое". Данная информация – та, которая уже активна к данному моменту. Новая – та, которая активизируется лишь в данный момент. А доступная – эта та информация, которая переходит в данный момент в активное состояние не из неактивного, а из полуактивного. Данное тройное противопоставление имеет целый ряд рефлексов в языке. Так, данные референты обычно кодируются слабоакцентированными местоимениями или нулем, а доступное и новое – ударными полными именными группами. Это различие отражено в следующих примерах (Ch. 6, ex. 1, 3):

- (2) I talked to a lawyer last night
 "Вчера я говорил с адвокатом [новое]"
 (3) I talked to him last night
 "Вчера я с ним [данное] говорил"

Следует заметить, что Чейф придает большое значение просодическому компоненту речи; так, он различает три степени акцентуации слов: первичную, обозначаемую акутом (*a lawyer* в (2)), вторичную, обозначаемую грависом (*night* в (2), (3)) и слабую, не помечаемую никак (*him* в (2)).

Языковое противопоставление между доступным и новым будет показано ниже.

И с х о д н ы й п у н к т (*starting point*) – понятие, призванное объяснить мотивацию формального статуса "подлежащее". Подлежащее (в английском языке) – это исходный пункт, с которого говорящий начинает сообщение, чтобы добавить к нему что-либо. Введение понятия "исходного пункта" – это существенный отход от пражской традиции (с которой работа Чейфа генетически отчасти связана) искать функциональную мотивировку подлежащего в теоретически не вполне обоснованных терминах типа "тема" или "топик", а также от распространенного объяснения подлежащего через понятие *aboutness* (труднопереводимое на русский язык).

Интуитивно замена традиционно неясных и многозначных "тем" и "топика" на

новый термин кажется привлекательной. Тем не менее, "исходный пункт" – понятие, когнитивная природа которого также не совсем ясна. По-видимому, избрание именно понятия "исходный пункт" Чейфом отчасти связано с линейно начальным положением подлежащего в предложении, характерным для английского языка. Поэтому применимость данной трактовки подлежащего к другим языкам не очевидна. (См. также раздел 3.2 ниже.)

По мнению Чейфа, функциональная природа подлежащего часто затемняется тем, что в качестве базовых иллюстраций используются примеры, фактически не встречающиеся в реальном употреблении. Так, знаменитое сепировское предложение (4), если и может быть использовано в дискурсе, то лишь в очень специфических условиях.

(4) The farmer kills the duckling
"Фермер убивает утенка"

О т о ж д е с т в и м о с т ь – функциональная мотивация категории определенности. Отождествимыми являются референты, которые по мнению говорящего могут быть отождествлены слушающим. Данное явление в работе Чейфа весьма подробно и интересно освещается, но стоит несколько особняком, поэтому мы его более касаться не будем.

3.1.4. Основные результаты. В работе Чейфа содержится целый ряд открытий, проливающих совершенно новый свет на структуру человеческого дискурса.

Эмпирический анализ больших корпусов устных английских дискурсов, сегментированных на интонационные единицы, привел Чейфа к выводу о наличии ограничения "одна новая идея на ИЕ". То есть, в ИЕ не может содержаться более одной новой идеи (в терминологическом смысле этого слова, см. выше). Когнитивная причина подобного ограничения – невозможность активации (перевода из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания. Если данное обобщение верно – а это очень похоже на истину – то одного этого факта достаточно для отнесения интонационной единицы и активации к числу самых фундаментальных лингвистических понятий.

Какой аргумент выбирается (в английском языке) в качестве подлежащего? Чейф формулирует ответ на этот вопрос в виде ограничения "легкого подлежащего". Чаще всего подлежащим, то есть исходным пунктом, выбирается данная информация (81% случаев в использованной текстовой выборке). Другая группа случаев – доступные референты (16%), например в (5), где референт "Дженнифер" уже упоминался раньше в дискурсе, но перестал быть данным (Ch. 7, ex. 18):

(5) Jéniffer thinks she's got a kídney infèction
"Дженнифер думает, что у нее заражение почек"

Здесь и сказывается различие между новым и доступным – последнее наряду с данным входит в категорию "легкой" информации, которая может вербализоваться как исходный пункт. Наконец, остальные случаи легких подлежащих – это новые, но малосущественные идеи, которые не играют значимой роли в дискурсе ни до, ни после данного упоминания, как референт "доктор Гилберт" в следующем примере (Ch. 7, ex. 28):

(6) But Dòctor Gílberty tòld me,
that éverybody gets bàckaches.
"Но доктор Гилберт сказал мне,
что спина болит у всех".

Обобщение "легкого подлежащего", по крайней мере для английского языка, представляется весьма правдоподобным и естественным.

Среди исходных понятий концепции Чейфа отсутствует понятие предложения. В рамках устного дискурса – основного вида использования языка – статус этого понятия вообще неочевиден. Предложение традиционно считается столь базисным феноменом лишь в силу гипертрофированной роли письменной формы языка в лингвистике. В устном же языке несомненны лишь такие составляющие, как дискурс и ИЕ, а предложение – это нечто промежуточное. Чейф высказал догадку, что предложение – это с когнитивной точки зрения суперфокус сознания. Суперфокус превосходит по размеру обычный фокус сознания (который соответствует одной ИЕ, является максимальным объемом информации, доступным для одновременного удержания в сознании человека, и не может содержать более одной новой идеи). Суперфокусы сознания и предложения возникли в результате эволюционного развития ментальных способностей человека (в отличие от обычного фокуса сознания, который задан нейроспихическими свойствами человеческого мозга). В процессе говорения человек просматривает, сканирует текущий суперфокус, и разбивает его на отдельные фокусы, соизмеримые с объемом сознания. Характерная интонация конца предложения имеет место тогда, когда заканчивается процесс такого сканирования. В следующем примере определенный объем информации вербализован с помощью предложения, состоящего из двух ИЕ, так как в этом объеме имеются две новые идеи – "две женщины" и "впереди", которые, согласно ограничению "одна новая идея на ИЕ", невозможно уместить в рамки одной ИЕ (Ch. 11, ex. 1):

- (7) ...And there were these two women,
.. niking up ahead of us.
"А там были две женщины, шагавшие впереди нас"

Топик понимается Чейфом, в отличие от многих авторов, не как характеристика какой-то именной группы или референта, а скорее в духе нетерминологического значения английского слова topic. Топик получает когнитивное определение. Это комплекс взаимосвязанных идей (референтов, событий, состояний), находящихся в полуактивном сознании. Проще говоря, к топикю дискурса относится все то, о чем говорится в этом дискурсе, но не все элементы топика активны в каждый момент дискурса. Такой подход к понятию топика позволяет объяснить феномен целостности дискурса. (Ср., например, попытку свести дискурс к макропропозиции – [15].) Чейф не вносит ясности в то, какова может быть внутренняя организация конкретных топиков, однако рассматривает несколько процедур развития топика – главным образом, диалогическую и нарративную, а также усеченные и второстепенные топикки. Топикки задают на языковом уровне фрагменты дискурса, существенно большие, чем ИЕ – эпизоды. Предложения же являются промежуточными составляющими между этими двумя уровнями.

3.1.5. Речь и письмо. Особый аспект работы Чейфа – вопрос о соотношении между устным и письменным языком. Теория, которая разработана для объяснения этого различия и ряда более дробных различий, слишком сложна, чтобы быть отражена здесь. Однако следует упомянуть по крайней мере одно противопоставление, которое использует Чейф для определения разных типов речи и письма. Это противопоставление между непосредственным (immediate) и отстраненным (displaced) модусами языкового и вообще когнитивного поведения. Текущий модус – это операции человеческого сознания над опытом, переживаемым говорящим здесь и сейчас, в текущей реальности. Отстраненный модус – это нахождение в сознании любой другой информации – вспоминаемой или воображаемой. Текущий модус более фундаментален, прост, однако отстраненный модус преобладает в человеческой ментальной деятельности.

Чейф по отдельности рассматривает разные виды речи и письма. В частности, многие его идеи о видах письменного языка (проза от первого лица, в третьем лице, цитирование) представляют большой интерес не только для лингвистики, но и для литературоведения.

Целый ряд идей Чейфа перекликается с идеями, раньше высказанными в работах Е.А. Земской и ее коллег по русской устной речи (см., напр., [16, 17]), включая ряд принципов транскрибирования, выделение некоторого аналога интонационных единиц, обсуждение проблематичности статуса предложения в устной речи. Хотя работы Е.А. Земской и ее соавторов не имели когнитивной ориентации, столь важной в книге Чейфа, можно только сожалеть, что эти пионерские для своего времени исследования остались неизвестными западным лингвистам.

3.1.6. Заключительные замечания. Работы Чейфа представляют несомненный интерес. Они весьма оригинальны – как признается сам автор, он всегда испытывал антипатию к доминирующим направлениям. Тем не менее, Чейф явно принадлежит не к маргинальным ответвлениям науки, а к ее наиболее продвинутой, актуальной части. Это определяется не только когнитивной направленностью интерпретаций Чейфа, но и более общим свойством его работ – открытостью всем видам информации, позволяющим лучше понять, как устроен человеческий язык. "Это исследование покажет не только желательность, но и необходимость сделать изучение языка и интеллекта (mind) более открытым, наблюдая язык как он есть в действительности, всерьез используя интроспекцию без опасения получить ярлык ненаучности, и позволяя воображению свободно парить среди более объемлющих представлений об отношении человеческих интеллектов к среде и друг к другу" [12, Epilogue].

3.2. Томлин

Р. Томлин – очень необычный лингвист. Он представляет собой практически уникальное в наше время сочетание теоретика и психолингвиста-экспериментатора. Обычно психолингвисты весьма сдержанно относятся к теоретизированию, а теоретики – к эксперименту. В результате эксперименты часто страдают теоретической несостоятельностью и проливают очень мало света на релевантные аспекты языка.

Данная особенность подхода Томлина прослеживается во всех его работах [18–21]. Мы рассмотрим наиболее подробно его новую статью [21] ("Фокусное внимание, залог и порядок слов: экспериментальное типологическое исследование"), отражающую его нынешние интересы. См. также рецензию [22] на фундаментальную монографию [19], посвященную типологии базисного порядка слов и ее когнитивному обоснованию.

3.2.1. Исследуемые феномены. Объектом интереса Томлина являются традиционные и центральные для дискурсивных штудий феномены порядка слов, подлежащего и залога. Сначала для английского языка, а затем для ряда других Томлин задается вопросом: каковы причины того, что та или иная именная группа выбирается в качестве подлежащего (и, в зависимости от семантики конкретной ситуации, вследствие этого происходит выбор залоговой формы глагола) и занимает определенное линейное место в предложении? Наиболее распространенная трактовка, восходящая к Пражской школе функционализма, сводится к тезису о том, что подлежащим становится т е м а или т о п и к данного высказывания (обзор см., например, в [23]).

3.2.2. Методология. Томлин подверг критике распространенные в функциональной лингвистике методы и способы объяснения дискурсивных фактов. Во-первых, языковые факты объясняются на основе теоретических понятий, таких как "топик" или "тема", которые сами чрезвычайно слабо обоснованы. Нет никаких способов определить, когда мы имеем дело с темой, а когда нет. Это особенно заметно при чисто интроспективном использовании подобных понятий, но остается в силе и при статистическом подходе, основанном на дистрибуции формальных элементов в тексте (ср. раздел 3.3 ниже).

Во-вторых, функциональные подходы обычно не предоставляют возможности предсказывать языковые факты и отличать корреляции между функциональными и

формальными параметрами от каузальной зависимости между ними. Вместо жестких зависимостей между причинами и следствиями мы имеем лишь вероятностные оценки или констатацию тенденций.

Взамен Томлин предлагает а) обоснование языковых фактов в терминах не туманных теоретических понятий, а имеющих независимое подтверждение (в когнитивной психологии) когнитивных явлений; б) экспериментальные манипуляции с когнитивной системой говорящего, позволяющие устанавливать каузальные взаимосвязи между факторами и их последствиями.

Что касается возможных объяснений выбора подлежащего и залога, две известных трактовки также критически оцениваются Томлином. "Тема/топик" выбирается не на основании глобальных характеристик всего текста (например, глобальной тематичности данного референта в данном тексте) и не на основании внутренних свойств референтов. Выбор "темы/топика" находится под локальным контролем, то есть производится лишь для данной предикации.

3.2.3. Основная гипотеза: контролером выбора подлежащего в английском языке является фокусное внимание (focal attention).

Этот тезис означает, что нахождение референта в фокусном внимании (феномен, известный в когнитивной психологии) – это необходимое и достаточное условие того, чтобы данный референт был кодирован подлежащим. Если данная предикация переходна, и фокусный референт – это агент, то глагол примет форму активного залога; если же в фокусе пациент, то глагол окажется в пассиве.

Не вполне ясно, совместима ли данная гипотеза с трактовкой подлежащего как исходного пункта у Чейфа (см. раздел 3.1.3 выше). "Фокусное внимание" – несомненно, более когнитивно прозрачный термин, чем "исходный пункт", однако последнее понятие кажется более широко применимым к английскому материалу. Что касается универсального определения подлежащего, то трактовка Томлина имеет больше шансов оказаться приемлемой, так как вероятно, что для трактовки Чейфа немаловажен линейный аспект английского подлежащего – его как правило начальная позиция.

Автор настоящей статьи в ряде работ [24–26] связывал понятие "фокус внимания" не с явлениями типа *порядок слов – подлежащее – залог*, а с местоименной анафорой. Предложение Чейфа (см. выше) считать когнитивным коррелятом местоименной анафоры активную информацию (или данное) и гипотеза Томлина о связи между фокусным вниманием и выбором подлежащего, по-видимому, более точны с когнитивной точки зрения. Анализ когнитивно-психологической литературы [27, 28] убеждает в том, что внимание и активация – два различных (хотя и связанных) когнитивных и нейрофизиологических механизма. Более того, эти два механизма имеют разные языковые рефлексy. Вероятно, есть основания утверждать, что фокусирование внимания на референте X в момент времени t_1 влечет активацию этого референта в момент t_2 . Данная взаимосвязь двух когнитивных механизмов отражается на языковом уровне в том известном факте, что антецедентами анафорических местоимений (кодирующих активные референты) очень часто бывают подлежащие (кодирующие референты в фокусе внимания).

3.2.4. Эксперимент. Идея эксперимента Томлина состоит в том, чтобы конструировать чистые условия, в которых можно контролировать фокус внимания испытуемого, и проверять, какие кодирующие средства будут ему соответствовать.

Томлин создал компьютерный мультфильм, в котором действующими персонажами являются рыбы разных цветов. Фильм состоит из 31 однотипного эпизода: с двух концов экрана появляются две разноцветные рыбы, плывущие навстречу друг другу, и в момент встречи одна из них съедает другую. При этом внимание испытуемого каждый раз фокусируется на одной из рыб с помощью специального визуального средства (например, стрелки, указывающей на рыбу). Испытуемых просят в реальном времени рассказывать о том, что они наблюдают на экране.

Примерно в половине случаев рыба, на которой фокусируется внимание испы-

туемого, съедает вторую рыбу (то есть оказывается агенсом), и в половине случаев съедается (то есть оказывается пациенсом).

Результат эксперимента: при фокусировании на агенсе испытуемые обычно используют актив, при фокусировании на пациенсе – пассив. Это можно проиллюстрировать следующими примерами из реальных экспериментальных данных, снабженными почти буквальными русскими переводами:

(8) Фокусируется фиолетовая рыба, оказывающаяся затем агенсом:

There's two more fish, a purple one and a white one
Вот две еще рыбы, фиолетовая и белая
And the purple one ate the white one
и фиолетовая съедает белую

(9) Фокусируется зеленая рыба, оказывающаяся затем пациенсом:

There's a green and purple fish
Вот зеленая и фиолетовая рыбы
The green fish was just eaten by the purple fish
Зеленая рыба была сейчас съедена фиолетовой рыбой

Результаты эксперимента почти всегда подтверждают исходную гипотезу, то есть фактический выбор подлежащего и залога глагола совпадает с ожидаемым. Точнее, для среднего испытуемого это происходит в 28 случаях из 31. Статистический текст показывает, что вероятность того, что подобная близость результата к ожиданиям случайна, даже для одного испытуемого не превышает 0,0000027, то есть практически не существует. Таким образом, по крайней мере в подобной простой, ядерной ситуации подтверждается, что выбор подлежащего определяется фокусным вниманием.

3.2.5. Сравнительное исследование. Аналогичные эксперименты были проведены для целой серии других языков – бирманского, индонезийского, китайского, трех славянских, акан (Африка). Для первых трех языков результаты практически совпадают с английским, для четырех последних никакого систематического распределения результатов не обнаруживается. В русских, а возможно также в польских и болгарских данных, нет никаких признаков использования пассива при фокусировании пациенса, как и вообще помещения пациенса в позицию подлежащего, ср.: *Красная рыба плывет навстречу синей, и синяя ее съедает*. Возможно, это отчасти связано с тем, что в русском языке пассив весьма лексикализован и очень ограничен в своем употреблении, ср.: **...и съедается ею*. И хотя славянское подлежащее также, вероятно, связано с фокусным вниманием, отсутствие грамматических возможностей не позволяет сохранить референт-пациенс подлежащим и во второй предикации.

3.2.6. Заключительные замечания. В отличие от рассмотренной выше работы Чейфа, подход Томлина фрагментарен. Он рассматривает лишь одно грамматическое явление и одну когнитивную переменную (это касается, разумеется, лишь данной работы Томлина; о других явлениях см., например, [20]). Кроме того, Томлин в данном случае анализирует весьма ограниченный языковой материал, сводящийся к бипредикативным изолированным конструкциям, а не обширные дискурсы. Однако Томлин решает очень важную задачу – строгую методологическую верификацию когнитивного объяснения языковых фактов. С некоторой осторожностью, его выводы могут быть экстраполированы и на дискурс. "Хотя пробные данные, представленные здесь, несколько ограничены, и хотя этот конкретный эксперимент может показаться примитивным в некоторых отношениях, данное направление может помочь нам сформулировать функциональные обобщения, эмпирически более сильные и теоретически более прозрачные. Если мы, разрабатывая исследовательскую программу функционализма, всерьез воспользуемся Когнитивным Обоснованием, мы несомненно обнаружим, что формулировка базисных вопросов в когнитивных терминах, конкретных и эксплицитных, очень важна" [21].

3.3. Гивон

Т. Гивон – весьма влиятельный лингвист; это особенно очевидно на фоне многообразия подходов и обилия мелких групп, характерного для американского функционализма. Гивону удалось создать целую школу, которую можно было бы обозначить как "функционально-дискурсивный типологический синтаксис". Кроме того, в отличие от Чейфа и Томлина, подход Гивона весьма гетерогенен и не всегда производит впечатление полностью последовательного.

Гивон наиболее известен выпшедшей под его редакцией монографией [29] ("Непрерывность топики в дискурсе: квантитативное типологическое исследование"). В этой работе Гивоном была предложена теория непрерывности/доступности топики и методика текстового квантитативного анализа, позволяющего устанавливать корреляции между языковыми формами в тексте и текстовыми факторами, влияющими на появление этих форм.

Гивон ввел понятие иерархии доступности топики (понимаемого как тематически важный референт) и изоморфной ей шкалы кодирования – от полной именной группы до безударного местоимения или нуля. Основной (хотя и не единственный) количественный фактор, влияющий на непрерывность топики – это референциальное расстояние (в числе предикаций) между данной точкой дискурса и ближайшим антецедентом. Чем меньше референциальное расстояние, тем непрерывнее, доступнее, очевиднее топик, и тем более формально экономное средство используется для его кодирования. На базе этого подхода было выполнено множество конкретно-языковых работ как в монографии [29], так и позже.

Нельзя сказать, чтобы концепция непрерывности топики 1983 года была когнитивно ориентированной. В ней содержались некоторые когнитивные мотивировки, но ее методика скорее может быть названа бихейвиористской, направленной на дистрибутивно-статистический анализ артефактов когнитивно-языковой деятельности – текстов. В более поздних публикациях Гивона прослеживается последовательный сдвиг в сторону когнитивного подхода. Здесь мы рассмотрим его книгу 1990 года [30] – это второй том его масштабного труда "Синтаксис: функционально-типологическое введение" (первый том вышел в 1984 г.). 20-я глава этой книги имеет наиболее непосредственное отношение к дискурсивной проблематике и носит характерный заголовок "Грамматика референциальной связности: когнитивная переинтерпретация".

3.3.1. Исходные идеи. Гивон определяет грамматику как набор "инструкций по ментальной обработке". "В реальном коммуникативном поведении грамматика прямо не взаимодействует с текстом. Скорее, грамматика манипулирует интеллектом (mind) (или используется им), а интеллект в свою очередь интерпретирует (или порождает) текст" [30, с. 893].

Грамматические сигналы, кодирующие референциальную связность, имеют отношение к двум когнитивным областям – "активации внимания" (attentional activation) и поиску в долговременной памяти.

Грамматика референциальной связности может быть осмыслена только на когнитивном уровне, где референты-топики выступают в качестве "файлов" или "узлов", в которых накапливается поступающая информация. Когда референт-топик активизируется, он используется в качестве адреса узла для новой информации, содержащейся в той же предикации, что и данный референт. В дальнейшем эта информация хранится в узле эпизодической памяти, "поименованном" (labeled) этим референтом.

3.3.2. Некоторые результаты. Согласно Гивону, только один референт может быть активен в данной предикации, причем обычно это грамматическое подлежащее [30, с. 914]. Данный тезис в такой формулировке вызывает большие сомнения. Во-первых, активация, как мы видели выше, связана не с выбором

подлежащего, а с другими языковыми феноменами (анафора и т.д.). Во-вторых, совершенно неочевиден универсальный статус такого понятия, как грамматическое подлежащее. По-видимому, тут имеет место смешение разных когнитивных явлений и неясность в терминологии. Однако содержательно Гивон здесь формулирует идею, близкую к тому, о чем пишут Чейф и Томлин в связи с подлежащим: подлежащее – это исходный пункт/фокус внимания, мост к предтексту, позволяющий адаптировать новую информацию.

Смешение внимания и активация у Гивона проявляется и в том, что он использует активацию как когнитивный коррелят и выбора подлежащего, и выбора референциального средства (полная ИГ/анафорическое местоимение/анафорический ноль). Гивон формулирует гипотезу о правилах понимания референциального средства слушающим в зависимости от активационного статуса референтов. Гипотеза строится в форме п р о ц е д у р н ы х и н с т р у к ц и й [30, с. 916]:

- если используется анафорическое средство, продолжай текущую активацию;
- если использована определенная полная ИГ, активизируй уже существующий файл;
- если использована неопределенная ИГ, активизируй новый файл.

Данная гипотеза небезынтересна. Она представляет собой когнитивную переинтерпретацию шкалы кодирования: активация референта требует значительного м е н т а л ь н о г о у с и л и я и, следовательно, больших кодирующих средств. Однако следует заметить, что, в частности, анафорические средства не подразумевают продолжения текущей активации, а всего лишь опираются на уже имеющуюся к данному моменту структуру активации референтов.

Иерархия доступности топики в рамках когнитивного подхода переинтерпретируется как типология п о и с к а в п а м я т и – кратковременной или долговременной. В отличие от более ранней идеи [29], что эта иерархия носит шкальный характер, когнитивный подход характеризует ее как бинарный выбор: референт может быть найден либо в кратковременной, либо в долговременной памяти.

Этот тезис, согласно Гивону, находит подтверждение и в количественных данных, поскольку между языковыми средствами, кодирующими непрерывность топики (поиск в кратковременной памяти), и средствами, кодирующими прерывность (поиск в долговременной памяти), нет постепенного перехода, а есть явный провал. Если первые (нулевая анафора, безударные местоимения) возможны (в типологически усредненных цифрах) при референтном расстоянии 1, то вторые (вынесенные влево определенные ИГ и нек. др.) – при референциальном расстоянии 15–17. Те же средства, которые ранее считались промежуточными (определенные ИГ), вообще не зависят от такого параметра, как референциальное расстояние, и не могут быть описаны в этих терминах.

Данная идея Гивона находится в явном противоречии с теорией Чейфа, в которой очень важную роль (см. выше) играет понятие полуактивной информации.

Еще один пример процедурной инструкции для слушающего связан с явлением в ы н е с е н и я в л е в о – распространенным в языках явлением, разнообразно именуемым "топикализацией", "эмфазой" и т.д. [30, с. 935]:

- перейди назад через текущий узел абзаца
- ищи в ближайшем предшествующем активном узле абзаца
- выбери ранее активный референт в этом узле
- активизируй его.

3.3.3. Заключительные замечания. Выводы Гивона очень часто бывают спорны, а его рассуждения слишком эклектичны. Однако в его работах содержится масса перспективных и блестящих идей и наблюдений. Интересна и общая ориентация его исследований – воинствующий функционализм с когнитивным уклоном. Как пишет Гивон, "мы сформулировали совершенно конкретные гипотезы о характере информации, активизируемой теми или иными грамматическими средствами."

... Одно из достоинств этих гипотез состоит в том, что они объединяют в рамках единой модели факты из сфер, до сих пор изолированных – грамматики, дискурса и когнитивной психологии. При прочих равных условиях, это и есть то расширение междисциплинарных взаимосвязей, к которому стремится наука" [30, с. 941].

3.4. Другие исследователи

В предыдущих разделах мы рассмотрели наиболее яркие, с нашей точки зрения, примеры когнитивного подхода к дискурсу. Несомненно, список работ и направлений, которые можно было бы упомянуть в этой связи, далеко не исчерпан.

В рамках общей области изучения дискурса имеется целый ряд работ, которые не являются когнитивными в таком же узком смысле, как рассмотренные выше, но тем не менее их результаты могут быть легко переинтерпретированы в когнитивных терминах – см., например, [31], [32], целый ряд статей в монографиях [33], [34]. Особо следует отметить работы У. Манна и С. Томпсон (последняя – [35]) по так называемой теории риторической структуры – теории формирования дискурса как цепочки предикаций и отношений между предикациями.

В этом обзоре не ставилась задача охватить литературу по дискурсу в рамках искусственного интеллекта – она слишком специфична и огромна. Мы ограничились лишь некоторыми работами, представляющими широкий лингвистический интерес.

4. Заключение

Рассмотренные выше подходы У. Чейфа, Р. Томлина и Т. Гивона весьма различны и во многом несовместимы, но они имеют ряд общих свойств, которые стоит отметить.

Во-первых, все они исходят из предпосылки, что язык может быть понят лишь как разновидность когнитивной деятельности, и попытки описать или объяснить язык вне его когнитивных истоков обречены на неудачу.

Далее, все рассмотренные подходы носят в высшей степени новаторский, нетрадиционный, отчасти даже революционный характер. Тем самым, они часто воспринимаются другими учеными весьма критически.

Наконец, все эти подходы далеки от какой-либо формализации своих результатов. Это отчасти их слабость, но и достоинство: их целью является не манипулирование символами на бумаге, а содержательное понимание того, как устроен и функционирует человеческий язык.

Все рассмотренные работы – это серьезное обсуждение серьезных и реальных вещей, подлинный прогресс в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Topics in cognitive linguistics. Ed. by Rudzka-Ostyn B. Amsterdam, 1988.
2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
5. Lakoff G. Women, fire and dangerous things. Chicago, 1987.
6. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. V. 1 // Theoretical prerequisites, vol. 2: Descriptive applications. Stanford, 1987–1991.
7. van Dijk T. A handbook in discourse analysis. V. 1–4. Berlin, 1985.
8. Chafe W. Discourse structure and human knowledge // Language comprehension and the acquisition of knowledge. Washington / Ed. by Freedle R.O., Carroll J.B. 1972.
9. Chafe W. 1973. Language and memory // Language, 1973. V. 49.
10. Chafe W. 1974. Language and consciousness // Language, 1974. V. 50.
11. Chafe W. The pear stories: cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production / Ed. by Chafe W. Norwood, 1980.

12. *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.
13. *Du Bois J.W., Cumming S.* Schuetze-Coburn S. Discourse transcription. Santa Barbara, 1993.
14. *Чейф У.* Данное, контрастность, определенность, топики, подлежащее и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11, 1982.
15. *van Dijk T., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. N.Y., 1983.
16. Русская разговорная речь. М., 1973.
17. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширнев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
18. *Tomlin R.* On the interaction of syntactic subject, thematic information and agent in English // Journal of pragmatics. 1983. V. 7.
19. *Tomlin R.* Basic word order. Functional principles. L., 1986.
20. *Tomlin R.* Linguistic reflections of cognitive events // Coherence and grounding in discourse / Ed. by Tomlin R. Amsterdam, 1987.
21. *Tomlin R.* Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study // Word order in discourse / Ed. by Downing P., Noonan M. Amsterdam, 1994.
22. *Кибрик А.А.* – ВЯ. 1990. № 3. Пер.: Tomlin R. Basic word order. Functional principles. L., 1987.
23. *Firbas J.* Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective // Papers on functional sentence perspective / Ed. by Daneš F. The Hague, 1974.
24. *Кибрик А.А.* Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // ВЯ. 1987. № 3.
25. *Кибрик А.А.* Типология средств оформления анафорических связей. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
26. *Kibrik A.A.* Maintenance of reference in sentence and discourse // Language typology. 1988. Typological models in reconstruction. Amsterdam / Ed. by Lehmann W.P., Hewitt H.J.J. 1991.
27. *Posner M., Snyder C.R.* Facilitation and inhibition in the processing of signals // Attention and performance / Ed. by Rabbit P.M. N.Y. 1975.
28. *Cowan N.* Evolving conceptions of memory storage, selective attention and their mutual constraints within the human information-processing system // Psychological Bulletin, 1988, V. 104.
29. Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies / Ed. by Givón T. Amsterdam, 1983.
30. *Givón T.* Syntax: A functional-typological introduction. V. 2. Amsterdam, 1990.
31. *Du Bois J.* The discourse basis of ergativity // Language. 1987. V. 63.
32. *Fox B.* Discourse structure and anaphora. Cambridge. 1987.
33. Discourse description. Diverse linguistic analyses of a fund-raising text // Ed. by Mann W., Thompson S. Amsterdam. 1992.
34. Pragmatics of word order flexibility // Ed. by Payne D. Amsterdam. 1992.
35. *Mann W., Matthiessen Chr., Thompson S.* Rhetorical structure theory and text analysis // Discourse description. Diverse linguistic analyses of a fundraising text / Ed. by Mann W., Thompson S. Amsterdam. 1992.